

СОВЕТСКАЯ ПЕСНЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наша советская песня — явление удивительное, единственное в мире. Это дитя революции, и революционный огонь, сообщивший ей небывалый темперамент, слился в ней с мягкими, чистыми, ласковыми интонациями народной песни.

Песня звучала на фронтах гражданской войны и в годы первых пятилеток, можно сказать, над колыбелью нашего Советского государства. Полная беззаветной веры в торжество великого дела, преисполненная высокой гордостью за свое первое в мире свободное Отечество рабочих и крестьян, она помогала в строительстве новой жизни, воспитала юных граждан великой Страны Советов.

Признавая огромное количество недостатков и пробелов в нашем песенном хозяйстве, позволю себе высказать убеждение, что в повседневной жизни, в объективной реальности песня занимает далеко не последнее место.

Многие песни давно уже перешагнули границы Родины, и по ним, по этим песням, люди в самых отдаленных уголках земного шара знают, как любит жизнь советский человек, как помнит он страшные дни войны, как строит новые дороги и гидростанции. По этим песням он узнает, хотя ли русские войны, и подхватывает вместе с нами страстные призывы советского человека — «Пусть всегда будет солнце!».

Однако главную свою роль, великую свою миссию песня выполняет в нашей стране. Она рядом с рабочими, она помогает выращивать небывалые урожаи, она поднимается в космос.

Леонид Ильич Брежнев, выступая на торжественном заседании, посвященном 20-летию освоения целины, говорил: «Были и шумные встречи новоселов и новые песни, которые рождались в самом кипении жизни. И романтика подвига и настоящий азарт первооткрывателей». Действительно, в этом и сила наших советских песен, что они рождаются «в самом кипении жизни».

Песня в нашей стране давно уже стала явлением общественно-политическим. Совсем недавно ЦК ВЛКСМ принял постановление о поддержке начинания молодых москвичей Игоря Скрипки и Ирины Бондаревой, призвавших молодежь встать на трудовую вахту в честь 30-летия Победы под девизом «За себя и за то парня». Это ли не признание действительной, атакующей, мобилизующей роли песни в наши дни!

Уже при своем зарождении советская песня, как ни один другой жанр нашего искусства, была явлением многообразным. Жизнь стремительно диктовала новые идеи, новые образы, и приходилось брать на вооружение и перевооружать все элементы музыкального быта, все слои крестьянского, городского и солдатского фольклора, все разнородности романса, эстрадных куплетов, частушек. Понятно, что данный процесс не был прямолинейно-гладким, он таил в себе много противоречивых явлений. С одной стороны — максимальная социальная и мелодическая отзывчивость, умение «приспособиться» к нуждам самой разной по составу и возрасту аудитории; с другой стороны — порой возникающие обремененность художественных решений, а то и откровенный примитив.

Песенные жанры мучали в острой борьбе противоположно направленных тенденций, в борьбе за умножение и творческое развитие традиций — прежде всего великих традиций отечественной песенной классики, но также и замечательных традиций мировой демократической культуры. Пять с половиной десятилетий труда по созданию советской песни — это годы активного творческого вслушивания в бессмертный опыт народного искусства и таких корифеев жанра, как Дунаевский, Захаров, братья Покрышкины, А. В. Александров, Блантер, Мурадели, Новиков, Белый, Хренников, Соловьев-Седой, Мокроусов, Островский; это опыт вслушивания в зонги Курта Вайля, марши Эйслера, в антифашистские песни испанских республиканцев, «Красной капеллы», французского Сопротивления; в мужественные напевы победившей Кубы, борющегося народа Чили, расправляющих плечи Греции и Португалии; в гимны протеста, гремевшие на улицах Италии и Соединенных Штатов.

Сколько бы ни развивалась наша песня, гражданская всегда будет в ней главным, острейшей, наиболее острой социальной заряд. Этот определяется ведущая роль песен о Родине, о Ле-

нине, о партии, о комсомоле.

Тема Родины, родной земли, социалистического Отечества — ведущая тема в творчестве композиторов всех наших союзных республик. Причем в труднейшем жанре гражданской песни о Родине последовательно и успешно работают не только представители, скажем, украинской или белорусской композиторских школ, то есть тех школ, где всегда были сильны традиции советской массовой песенности, но и представители Средней Азии, Казахстана, Закавказья. Особенно отрад-

Александра ПАХМУТОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
секретарь правления Союза композиторов СССР

но, что в жанре гражданской песни о Родине уже проявили себя некоторые молодые композиторы. И хочется пожелать, чтобы молодые композиторы всегда помнили, что патриотическая песня — это пробный камень, это главный экзамен не только гражданской зрелости, но и художественного мастерства.

Важная область собственной гражданской песни — сочинения, воскрешающие образы и темы Великой Отечественной войны. В преддверии 30-летия Победы мы, естественно, особенно вынуждены к ним. Я убеждена, что в нынешнем году вряд ли найдется у нас хоть один композитор, работающий в жанре песни, который не попытается выразить свое отношение к этой всегда волнующей теме.

Два слова о специфических опасностях при выполнении столь ответственной темы: одна связана с провинциальным в нашу песню остроту, современных, порой танцевальных ритмов. Само по себе это явление не может оцениваться однозначно: как и всюду, здесь решает один критерий — оправданность применения данного средства, его убедительность для решения конкретной художественной задачи. Другая — с известным налетом мелодраматизма, быть может, в какой-то мере понятного, когда речь идет о не вернувшихся с войны. Понятного, но вовсе не неизбежного!

Мы всегда будем помнить о воинских подвигах. И, следовательно, всегда будут песни о них. Забота о достоинстве таких песен — забота особая, забота священная.

По праву значительное место в песенном творчестве заняли сочинения о родном городе, о населяющих его тружениках, о гордых рабочих профессиях. (Уже появились сочинения, посвященные главной молодежи нашей стройке наших дней — Байкало-Амурской магистрали). Успех этой жанровой разновидности не случаен: речь ведь здесь идет о том, что особенно близко и дорого людям, что повседневно окружает их в жизни. Естественна и опора при решении подобных тем на бытовые формы, используемые порой очень однообразно.

Особую тревогу вызывает так называемая сельская тематика. Труд и быт жителей современной деревни по большей части выражается у нас либо в откровенно лирической песенности, либо в частушечных перепадах-перепадах.

Я говорю об этом потому, что так называемая народная стилистика не всегда отличается в нашей песне достаточной широтой и современностью. Это видно уже в стихотворных текстах: «березка белая», «тропинка у обрыва», «трава луговая», «тесовое крылечко», «колыбель заветное», «пряники мятые», «платок подаренный» и так далее. Разумеется, во всех этих оборотах, самих по себе, нет ничего криминального. Плохо, когда ими ограничивается поэтический мир песни, когда одни и те же традиционные, слезливые или размахисто-удалые интонации, скользкие повороты фольклорных пластов, кочуют из песни в песню. Такой грех у нас есть не только в русской песне, но и в песнях многих других национальностей, особенно тех, где фольклор отличается особой броскостью, терпкостью, — в Грузии, Армении, Азербайджане, Молдавии, Узбекистане, Татарии и некоторых других республиках. Вопрос этот исключительно сложен: ведь подобные мелодии, в которых тысячи людей сразу узнают знакомые обороты, нередко, во всяком случае поначалу, становятся весьма популярными. Такая популярность — козырный туз в руках ремесленника, не желающего или не умеющего активно мыслить в искусстве, искать подлинно новое, подлинно свежее.

Есть один, наверное, самый обширный жанр — жанр песенной лирики, жанр лирической песни в собственном смысле этого понятия. Прежде всего хотелось бы коснуться песен, где природа, окружающий нас мир создают особый образный строй песни.

Однако, к сожалению, именно в песнях, герой которых словно остается наедине с природой, нередко особенно сильно бывают элементы певдонародной стилизации. Мы словно забываем, что бездумно намалянный стершимися красками пейзаж ничего не ска-

жет человеку, что у всех настоящих творцов общение с природой всегда обостряло, если можно так выразиться, этические инстинкты.

Песни о любви — их, кажется, больше всего. И это тоже по-своему доказывает молодость нашей песни, ее эмоциональную отзывчивость. Сочинения этого рода очень разные. В собственной лирическую тематику проникают и осваиваются ею наши, так сказать, «общепеенные» открытия последнего времени. Я имею в виду, в частности, интонацию гимническую, интонацию манифеста, баллады, заклания. В них ярко отражен характер самого героя, от лица которого идет повествование. Разумеется, лирические песни, в частности песни о любви, зачастую носят и иной характер — шутиливый или нежно-задумчивый, а порой и открыто танцевально-развлекательный.

Вместе с тем, пожалуй, именно в этой области творчества отчужденнее, чем в других, сказываются серьезные просчеты. Они обусловлены в первую очередь невысоким уровнем понимания самой темы, неразвитостью духовного мира героя песни, низким уровнем его нравственно-этических представлений. Отсюда и огрехи эстетического порядка: бедность мелодической мысли и гармонического письма, стереотип фактуры и формы, провинциальность звучания в целом.

На попрание лирической песенности подвизается огромная армия руководителей эстрадных ансамблей, просто оркестровых музыкантов или редакторов — в своем основном деле, может быть, прекрасных специалистов, но весьма негодных композиторов.

Было бы неправильным, впрочем, во всех бедах винить только малопрофессиональных изготовителей песенной продукции. Даже в нашей профессиональной среде есть люди, по-настоящему талантливые и прекрасно образованные, которые, к сожалению, начинают рекомендовать себя однобоко.

Песня, как большой сад, в котором цветут очень разные растения, требует терпения и бесконечного внимания, бесконечной доброты. Именно доброты, однако, настоящая доброта к искусству и к миллионам его любителей заставляет, должна заставлять высоко держать планку идейно-художественных критериев жанра, потому что всякое ее снижение немедленно и в очень острой форме оборачивается злом для самого жанра, для его почитателей, для эстетического идеала советской музыки в целом.

Известно, что если, например, в симфоническом сочинении замысел автора может быть выражен на длительном временном протяжении средствами большого оркестра, с интересными колористическими эффектами, элементами современной техники, в песне главным на все времена остается обаятельная суть — мелодия. Можно более или менее мастерски преподнести ее, но без нее песня невозможна. Поэтому думаю, что забота об интонации, забота об ее индивидуальности, новизне, свежести должна быть для нас постоянной и бескомпромиссной. Между тем, если мы вспомним даже очень популярные песни, то зачастую они построены на интонациях, уже давно найденных, и давно уже покоривших слушателей. Песня обязана быть и свежей, и новой, и простой, и небанальной. А банальность не такая уж безобидная вещь. Здесь должен вступить в силу самоконтроль не только художественный, но и этический.

У нас мало жанрового разнообразия в песне, мало песен сюжетных, мало песен острохарактерных. Мы справедливо гордимся тем, что у нас стерлись примитивные

границы между песней гражданской и песней лирической, что у нас есть прекрасные песни, в которых о самых высоких и общегражданских вещах говорится тихо, сокровенно, как о самом личном и дорогом. Но сейчас уже слушатель часто не хватает открытой, темпераментной, подлинно массовой песни, где о большом и значительном говорится и значительно, и монументально. Это значит, что мы должны избегать догм. Нельзя долго использовать одну находку, один прием, один, даже интересный, источник. Очень скоро все становится штампом.

Именно поэтому, думаю, так трудно обучать сочинению песен. Думаю, что в консерватории поступают правильно, давая молодому композитору сумму профессиональных навыков, пытаюсь научить его работать в самых разных жанрах. Может быть, одному молодому музыканту захочется выразить все многообразие жизни в симфонии, а другому — в песне яркой и свежей. Для этого нужны талант и профессиональное умение. И может быть, специальные, хотя бы факультативные занятия в учебном заведении.

Мне кажется, мы вообще недооцениваем проблему песенного мастерства, полагаясь на пресловутый мелодический дар. Конечно, без таланта, в том числе мелодического, человеку в песне делать нечего. Но талант еще не гарант. Как будет сделана песня, какое в ней будет гармоническое развитие, какие кульминации, какая драматургия отыгрышей, прозвучит ли последняя строфа очередным куплетом или репризой-закланием, кодой-эпилогом, — все это не последние вопросы, ибо из всего этого тоже складывается образ. И главное, конечно, сам образ, мера его знакомости и мера его новизны, соотношение в нем элементов традиционных и элементов новаторских. Понятно, что рецептов здесь нет, такие вещи хорошие композиторы обычно чувствуют, но чтобы чувство не ошибалось, надо также многое уметь и — не считайте за трюизм — безостановочно работать, не пуская в оборот 10 или 20 лет один и те же, пусть даже проверенные, средства.

Стало уже штампом говорить о стандартном звучании оркестра в песне. А кто в этом виноват, если не автор? Ведь оркестр не только поддерживает певца, аккомпанируя ему, он способен дать самый неожиданный и глубокий подтекст простой песне. И все становится непростым, необычным — в этом еще одно слово от автора. Я не говорю об этической стороне дела, о том, что порой ответственной частью работы доверится другому человеку — аранжировщику. Просто хотелось бы слышать песни в оригинале. Ведь самый хороший аранжировщик — это переводчик, а мы часто слышим песни в переводе.

Мы должны быть более строгими и разборчивыми в выборе выразительных средств, должны более целенаправленно ориентироваться в огромном океане музыки, звучащей во всем мире. Не могу не сказать в связи с этим об одном явлении, очень распространенном в современной песне.

Вот уже более десяти лет, «осовремененный», доступно «опопуляризованный», коучет образ великого Баха по песням Европы, Америки — да всех континентов! Мы слышим отголоски его стиля в виде элементов фактуры, гармонических формул, вступлений и так далее. И как редко это бывает, не говорю уж тактично, хотя бы немного оправданно! У нас, например, это, к сожалению, встречается даже в песнях о реченьке, березоньке, чуть ли не о красной девице. Вот уж поистине преодолели барьер несовместимости!

Пора уже в масштабе не только нашей страны огранить святыни, великие символы, гениальные имена от ненасытного коммерческого желания испытать из этого источника и, может быть, наплеватель в него. Мы, представители высокой песенной культуры, должны показывать образцы самого уважительного и благоговейного отношения к музыке великих мастеров и быть не рабами ее, а преданными учениками и пропагандистами.

Нам нужны песни самобытные и искренние, спетые пусть еще робким и неокрепшим голосом, но спетые о своем, прочувствованном и пережитом. И можно с уверенностью сказать, что все наиболее интересное, яркое, свежее найдет не только помощь, поддержку в стенах Союза композиторов и в организациях, непосредственно пропагандирующих песню, но и самый широкий отклик в сердце благодарного слушателя — нашего советского народа.

Говоря о песне, необходимо сказать самые добрые, самые теплые слова о наших друзьях и соавторах — поэтах, о людях, которые уже много лет делают с нами радости и горести, победы и неудачи. Ведь песня пишется долго, по выражению Л. Ошанина, «в ней яростно спорят два дарования, пока не сольются в одно!». Порой приходится поэтам исправлять и переделывать свои стихи из-за иного ритма, иного музыкального размера, иногда приходится «подтекстовывать» музыку. А сколько прекрасных стихов портим мы, да, именно портим невыразительной или совсем не соответствующей теме, духу стихотворения музыкой. И тем не менее ведущие наши поэты уже долгие годы преданы нашей общей заботе — советской песне!

Убеждена, что ныне значительно возрос интерес к поэтическому слову у композиторов. Все меньше и меньше целей остается для текстовиков — этих, по выражению В. Бокова, «бесхребетных пресмыкающихся эстрады». И все же помогают проникнуть в песню поэтическому браку в конечном счете не редакторы, которых чаще всего ругают за это, а композиторы. А ведь мы должны быть первыми и главными судьями песенной поэзии. Мы должны больше читать, следить за поэтическими новинками. Мы должны быть строже и требовательнее.

Сейчас в песенной поэзии беспокоит некоторая «вторичность». Кажется, что иные стихи сочинялись как бы «под копиру», где последний экземпляр значительно бледнее первого. Попало в песню слово «тайга» — и тут же появляется уже целый пласт «таежных» песен; кто-то первый вспомнил о «травах» — и вот уже на стои на этих «травах» добрый десяток новых песен. Написал известный поэт стихотворение «Между городом «да» и городом «нет» — и на завтра — различные варианты этой поэтической находки.

Нельзя забывать, что песня, если это песня настоящая, — всегда открытие. Открытие новой темы, новой поэтической интонации. Яркий поэтический образ, вынесенный к слушателю на крыльях музыки, становится еще ярче, еще выпуклее, еще рельефнее. Но зато и серость, банальность, еще хуже — пошлость, озвученные броской мелодией, гипертрофируются, приобретают поистине чудовищные очертания. И это надо помнить постоянно. Надо помнить, что у песенной поэзии читатель — многомиллионный, и подходить к песенному слову с самой высокой, самой придирчивой меркой.

Обманчивая простота словесного ряда в песне иногда создает впечатление, что поэт порой дает себе некую «пожалужку», и стихотворение, над которым он бы еще поработал перед тем, как включить в свой поэтический сборник, он в «сыроватом» виде может предложить композитору.

Хочется пожелать нашим друзьям и соавторам — поэтам больше поисков, новаторства, больше тщательности в работе над песенными стихами, а нам, композиторам, — побольше внимания и чуткости к новому, небанальному.

В песню пришли большие, талантливые поэты, но все же пока бьет еще в писательской среде явно снобистское отношение к песенной поэзии, как к эдакой поэзии второго сорта. И хотя при Союзе писателей РСФСР и при Московском отделении Союза писателей недавно созданы песенные комиссии и они провели определенную работу по борьбе с поэтическим браком, я не припомню ни одного доклада на съезде писателей, в котором бы что-нибудь вразумительное говорилось о песенной поэзии, даже чтобы она хотя бы просто упоминалась. Такое замалчивание, полное пренебрежение к одной из важнейших отраслей современной поэзии — явно не на пользу делу.

У авторов, работающих в жанре песни, большие и серьезные задачи. И где бы ни творил композитор — в Прибалтике или Бурятии, на севере нашей страны или в солнечной Туркмении, задачи у всех нас совпадают: мы должны, как учит нас наша партия, верно и преданно служить своему народу, идеалам строителей коммунистического будущего. И, вдохновленные этими высокими задачами, мы, композиторы, чувствуем себя одним отрядом, членами одной большой многонациональной семьи.

Требования к нашей повседневной работе можно кратко сформулировать так: мы должны постоянно и неуклонно стремиться к тому, чтобы наши песни, вся наша творческая продукция была на уровне беззаветного труда наших рабочих и колхозников, на уровне крупнейших научных открытий, на уровне героических полетов в космос, чтобы достойно выполнять грандиозные задачи, поставленные перед нами великой партией коммуни-